

Традиционная образность как средство реапроприации истории в прозе Беларуси и Великобритании

О.А. Лиденкова

Статья посвящена компаративному анализу художественных средств реапроприации истории в рамках темы поиска идентичности в белорусской и британской исторической прозе на современном этапе. Прослеживаются механизмы, с помощью которых историческая проза стремится обеспечить восприятие непрерывности и преемственности существования нации, восстановление межпоколенных связей, упорядоченной картины мира. Выявляются авторские стратегии апелляции к фундаментальным архетипическим представлениям о языке и земле, художественная реапроприация утраченного или отчужденного культурного наследия и народной памяти.

Ключевые слова: историческая проза, современная литература, символ, канон, идентичность, регионализм.

The article is dedicated to the comparative analysis of artistic means of reappropriation of national cultural heritage and history as a means in the search for identity in Belarusian and British historical fiction at the beginning of the 21st century. The study also traces the mechanisms by which historical prose seeks to ensure the belief in historical continuity, the restoration of transgenerational ties, an orderly picture of the world. The author's strategies of appeal to the fundamental archetypal ideas about language and land, artistic reappropriation of the lost or alienated cultural heritage and national memory are revealed.

Keywords: historical prose, contemporary literature, symbol, genre, identity, regionalism.

Обращение к теме национального прошлого в начале 21 века характерно не только для определенного жанра. Пять из тринадцати романов в лонг-листе букеровской премии 2020 г. обозначены как историческая проза: «Shuggie Bain» Д. Стюарта, «How Much of These Hills Is Gold» С.П. Чжан, «Apeirogon» К. Макканна, «The Mirror and the Light» Х. Мэнтел, «The Shadow King» М. Менгисте. При этом не все они соответствуют привычным критериям жанра, например, требованию выдержать временную дистанцию в 60–50 лет между временем написания текста и изображаемой эпохой. То есть, можно говорить, с одной стороны, о размывании строгого жанрового канона и полномочном включении в него т. н. «recent historical novel», куда начинают относить не только период 80-х гг прошлого века или произведения о войне в Ираке, но даже романы о террористических атаках 9/11 (работы А. Мэншелла). С другой стороны, многие произведения Г. Свифта, К. Исигуро, А. Аркуша, В. Казько, А. Федоренко и многих других скорее стоит отнести к категории безжанровой прозы, одако история играет настолько важную роль как в развитии и становлении героев, так и формировании центрального конфликта, что это позволяет говорить о сосредоточенности вокруг темы прошлого и памяти – как индивидуальной, так и коллективной – серьезной современной литературы в целом.

Одной из причин подобной тенденции является, по признанию многих исследователей, остро стоящая в современном обществе проблема идентичности, а также ощущение оторванности и отчужденности от собственного культурного и исторического наследия. В Британии это вызвано в том числе распространением постколониального дискурса, который обесценивает многие достижения предыдущих поколений британцев. В Беларуси история долгое время развивалась под строгим идеологическим контролем в тени более сильных соседей, и само существование собственного независимого прошлого страны до сих пор нуждается в защите и своеобразной реапроприации или национализации, что в том числе включает возвращение в поле своей культуры утерянных или отданных другим народам исторических достижений.

Если в англоязычном литературоведении вопросы взаимоотношения, проблемы идентичности и литературного историзма активно исследуются (работы Дж де Гру, Э. Руссело, Дж. Брукера, К. Букер, С. Кинан, П. Андерсона и др.), в Беларуси существует лишь несколько специализированных работ в этом направлении: монография «Літаратура. Гісторыя. Свядо-

масць» В. Гниломедова и Н. Микулича, отдельные статьи А. Мельниковой, О. Дорогокупец, И Шевляковой, Н. Лысовой и некоторых других. Комплексных компаративных исследований данной проблемы почти не проводилось, чем и обусловлена актуальность данной статьи.

Объектом исследования являются исторические романы современных белорусских и британских авторов. Цель исследования – выявить авторские стратегии оправдания и реапроприации национального исторического наследия в компаративном аспекте.

Выявляются авторские стратегии апелляции к фундаментальным архетипическим представлениям о языке и земле, художественная реапроприация утраченного или отчужденного культурного наследия и народной памяти на примере творчества Дж. Мика, П. Кингснорта, Б. Ансуорта, Дж. Крейса, С. Харви, П. Акройда, Л. Дайнеко, В. Орлова, А. Аркуша, Л. Рублевской и др.

Две темы, неразрывно связанные с вопросами национальной идентичности как у белорусских, так и у британских авторов – это проблема земли и проблема национального языка.

Сознательный выбор языка произведения – извечная дилемма, стоящая перед белорусскими писателями: «Лухта, хочаце друкавацца, дык пішыце па-руску <...> Вы хочаце славы альбо рабіць толькі тое, што цікава адной вам?» [1, с. 89]. «А якая Бацькаўшчына бяз матчынай мовы? – скаламбурьў Дудар» [2, с. 27]. Не менее остро стоит этот вопрос и для героев белорусских произведений: «Добры дзень у хату, – Алесь загаманіў так, як таго, здавалася, вымагалі абставіны: быццам перайшоў на замежную мову» [3, с. 91]. Эта проблема поднимается авторами совершенно разных поколений, что отражает ее не изменившуюся за несколько десятилетий актуальность: «з горычу адзначыў Марцін, што нават тут, у сталіцы Вялікага княства Літоўскага, рэдка цяпер гучала дзяржаўная мова – беларусінская» [4, с. 76].

Может показаться неожиданным повышенный интерес к языку у современных британских авторов. Но произведения последнего десятилетия все чаще напоминают о внутренней неоднородности англоговорящего мира. И если раньше авторы решали неизбежную для исторической прозы проблему адаптации речи героев к описываемой эпохе за счет избегания слишком явных анахронизмов, употребления специфических идиом или просто формализации стиля, сейчас они все смелее обращаются к региональным диалектам, предоставляя читателям самостоятельно справляться с трудностями понимания достаточно далекого от стандартной версии языка текста. В романе Э. Грейга «Fair Helen» (2013), который основан на традиционной шотландской балладе 16 века «*Fair Helen of Kirkconnel Lea*», многие диалоги написаны на архаизированном варианте шотландского английского, и единственной уступкой читателю члется небольшой словарь в конце книги.

Писатели экспериментируют с ранними формами английского языка. В романе Дж. Мика «*To Calais, In Ordinary Time*» о Британии 14 века, автор использовал в речи героев три стиля: усыпанный французскими заимствованиями язык аристократов, крайне латинизированную речь клирика и очищенный от заимствований авторский вариант англосаксонского для простых крестьян, так что его героиня высокородная Бернадин не всегда понимает своих же соотечественников: «As if no French never touched their tongues. I ne know myself sometimes what they mean» [5, с. 11]. Именно на последней разновидности сделан особый акцент, так как это попытка писателя представить себе английский, которого не коснулось влияние захватчиков-норманов.

Дж. Мик, по его собственному признанию, пытался наглядно показать, как по-разному выражают понятия о любви идиомы французского и англосаксонского происхождения, как легко французский «присвоил» себе семантическое поле «романтическая любовь»: «I found how naturally the neo-aristocratic French-rich idiom expressed ideas of romantic love» [6].

В ходе своего небольшого исследования писатель приходит к выводу, что именно исконные германские основы намного более емко и точно выражают чувства обычного человека, ведь и именно их мы чаще всего встречаем в современной массовой культуре, повседневном общении, самых популярных песнях и успешных политических лозунгах. По мнению автора, это свидетельствует о «впечатляющем триумфе англосаксонского языка»: «When you look at the English of hits, it's startling how Anglo-Saxon success is. "I Will Always Love You", "It's Now Or Never", "My Heart Will Go On", "I Want To Hold Your Hand"» [6]. Возможно по-

этому в своем романе автор и попытался восстановить то, что осталось от до-норманских времен, когда язык был един для всех сфер общения, а правящие классы не отделяли себя от народа латинскими терминами наук или французскими выражениями для высоких чувств и философских понятий: «Popular songs and stories of love and hurt, of gods, heroes, devils and kings, folksy slogans – “Make America Great Again”, “It’s the Real Thing” – are what’s left in English of a pre-Norman time when the power language, the abstraction language and the folk language were the same» [6].

Вокруг похожей попытки создать очищенный от влияния норманского завоевания вариант английского построен роман «The Wake» П. Кингснорта (номинация на Букеровскую премию 2014 г., книга года Великобритании по версии журнала «The Bookseller»). Роман написан на выдуманном «призрачном» языке – «a shadow tongue» – гибриде англосаксонского и современного английского. В центре повествования – судьба антигероя по имени Buccmaster of Holland, который с несколькими сторонниками ведет в 1066 г. партизанскую войну против норманских захватчиков и защищает старых богов 'eald gods' против нового и непонятного 'cris': «lif is a raedel for dumb folc but the things i has seen it is not lic they sae. the bocs and the preosts the bells the laws of the cris it is not like they sae» [7, с. 22].

В повышенном внимании к английскому языку может быть и отголосок ощущения, что, став глобальным, он, парадоксальным образом, перестает быть английским, то есть одним из уникальных определяющих признаков конкретной нации. Создание «исконных», «англосаксонских», принципиально своих исторически вариантов языка – это одновременно противостояние угрозе размывания, нивелировки национальной принадлежности говорящего на языке сообщества людей, попытка заново «присвоить» эту важнейшую составляющую своей идентичности. Еще почти столетие назад Дж. Толкин высказывал глубокое сожаление по поводу того, что английский становится основным международным средством общения, и не только потому, что это приведет к замещению и исчезновению малых языков. Язык, по мнению писателя, теснейшим образом связан с историей, поэтому уникальность языка в том числе сохраняет уникальность и индивидуальность культуры [8, с. 106].

Следующей важнейшей составляющей национальной идентичности в современной исторической прозе становится земля.

Тема собственного надела земли как основы народного духа стала хрестоматийной для белорусской литературы. В обращенных к национальной истории произведениях А. Аркуша, В. Гнилomedова, Л. Дайнеко, В. Казько, В. Ковтун, А. Федоренко свой дом на своей земле, будь то крестьянская хата или усадьба шляхтича (Л. Рублевская) – это заповедник народного духа, в котором сливается и фольклорная связь с «дедами», и сила «мест памяти» (термин П. Нора). Только вернувшись в село, это материальному воплощению духовного наследия предков могут жить и творить персонажи белорусских авторов: «з кожнай такой паездкай у глыбінку Дудар пераконваўся, што менавіта вёска захоўвае беларускую мову, традыцыю і народную культуру» [2, с. 62]. Не случайно в своем футуристическом видении Земли Л. Дайнеко делает обязательным день Антея, прекрасного символического отражения истинного и единственного источника силы: «Кожны грамадзянін Індаэўрапейскай Канфедэрацыі меў уласны ўчастак зямлі, быў абавязаны мець яго. Шырока адзначаўся Дзень Антэя, калі юнакі і дзяўчаты, якім споўнілася шаснаццаць год, у прысутнасці сваіх родзічаў і сяброў станавіліся на калені і цалавалі зямлю» [9, с. 36].

Возрастающая в последнее десятилетие популярность «сельской» темы в британской исторической прозе связана с тем, что именно живописный ландшафт, уютная атмосфера ферм и деревень со свои укладом жизни продолжают оставаться краеугольным камнем английской идентичности в сознании обывателя, что доказывают результаты многочисленных исследований социологов, культурологов и литературоведов: «Rurality has, historically and contemporarily, provided the corner-stones of English national identity and it is through pastoralism that quintessential versions of Englishness have been constructed» [10, с. 161].

Согласно исследованию общественного мнения, проведенному в 2018 г. (К. Каннингем и И. Уоррен), основу английской идентичности по-прежнему составляет «природный ланд-

шафт и национальная история». Марк Истон отмечает, что наиболее распространенный образ Англии – доиндустриальное сельское сообщество: «The strongest image of England is a pre-industrial bucolic nation populated by well-mannered and virtuous citizens» [11].

В романе «The Quality of Mercy» Барри Ансуорта (2011 г.) земля становится некой абстракцией счастливого существования, где труд прост и понятен, а человек – полновластный хозяин своей жизни: «Occasionally he had spoken to his eldest son, Michael, about this piece of land, not directly as an ambition of ownership but as representing a happy state of existence, a labor that made sense, being on ground that was your own» [12, с. 11].

В финале мы видим совсем непривычный для современной серьезной литературы счастливый конец со свадьбой и радужными перспективами реформирования деревенской жизни и всеобщего благоденствия: «These things might take time, but all manner of more immediate reforms could be introduced. She and Erasmus together would make this colliery village a happier place. Other collieries would imitate them, follow suit» [12, с. 287].

В романе «Harvest» Дж. Крейса (2013) у села даже нет названия, это просто Деревня, вокруг которой Земля: «We do not even have a title for the village. It is just The Village. And it's surrounded by The Land, I add» [13]. Все элементы ландшафта в книге являются максимальным воплощением самих себя: Восточное Поле, Западное Поле. Кроличий садок: «He'd like me to put bright names to them, so that he can mark them down in ink, together with their measured angles and their shapes. But they're only workaday. "East Field," I tell him. "West Field, South Field. John Carr's flax garth. The Higgses' goose pen. Hazel Wood. The Turbary. The Warren» [13, с. 78].

Это можно рассматривать как попытку вернуться к истокам народного самосознания, повествование о безымянном поселении становится притчей о силе и слабости общины, потере и обретении своей земли и себя. Чувство общности в подобных произведениях всегда основывается не столько на факте проживания на земле, сколько на том, что земля воспринимается как средство связи поколений. «This village belongs to the people who live in it and to the people who lived in it hundreds of years ago. It belongs to England's mysterious past and its confounding present», утверждает в романе «Lanny» М. Портера [14, с. 8]. В романе «The Quality of Mercy» Барри Ансуорта возделывание земли воспринимается одним из героев как почитание памяти отца: «his choice – and his right – to keep the land and cultivate it for his father's sake, as a memorial to his father» [12, с. 10].

Внимание к небольшим изолированным поселениям, где находятся корни вполне конкретных людей и фамилий – распространенный мотив в современной исторической прозе (романы «Harvest», «The Western Wind» С. Харви (2018), где региональная идентичность нередко начинает доминировать над национальной: «The reality of contemporary Britain means there is always the regional inflection; regional and inter-regional identities often prevail over the National. For many the term Britishness specifically means not Greatness but Englishness» [15].

Среди отечественных авторов можно выделить А. Аркуша и В. Орлова, работающих над развитием полочкой прозы. Л. Рублевская активно создает мифологию Минска подобно тому, как П. Акройд уже создал свою мифологию Лондона. В маленьких селах и местечках сосредоточено действие рассказов и повестей В. Мажилковского. Поэтому, как основу конфликта, авторы в том числе используют характерное для замкнутого сообщества (каким и является сельская община) четкое деление на своих и чужих, то есть старожилов и приезжих, посягательство которых на землю кажется неправомерным именно из-за отсутствия у последних исторических связей с конкретным местом.

Понятие «тутэйшы», привычное для белорусского читателя, совершенно не чуждо героям современной английской исторической прозы, но в современных текстах «тутэйшасць» теряет свои негативные коннотации вечного приспособленчества. Это скорее феномен, который описал И. Бобков: «У эпоху нігілізму, у час адчужанасці сацыяльных і культурных рытуалаў «тутэйшасць» – гэта вымярэнне надзвычайнай інтымнасці, «свойскасці» культуры й жыцця. «Тутэйшасць» – гэта не ідэя й не псыхалягічная асаблівасць беларусаў. Яна ня мае нічога агульнага з размазанасцю вясковага досведу па бясконцых «трылётых» беларускай савецкай літаратуры. «Тутэйшасць» – своеасаблівы ахоўны інстынкт беларушчыны, разуменьне таго, што нават калі мы запоўненыя «чужым», гэтае чужое ня можа натуральна вырастаць з традыцыі» [16, с. 14].

Иными словами – это выражение стремления реапроприации своего языка, своей земли, всего наследия, отчужденного ходом истории. Это акцентирование идеи «я-свой», это моя земля, оставленная мне поколениями моих предков: «Рэч ня ў тым, каб Вялікае княства перавесыць зь Літоўскага у Беларускалітоўскае альбо ў Беларускае, а ў тым, каб яго зрабіць “сваім”, “тутэйшым”» [16, с. 14]. И эта тема одинаково сильно звучит как у белорусских, так и англоязычных авторов: «“We’ve plowed these fields since Adam’s time,” they say, counting back the granddads on their fingertips. They’re ancient families» [13, p. 132]. Дж. Силлс в отзыве на историю Англии П. Акройда отмечает свойственную англичанам высокую терпимость друг к другу и подозрительность и недоверие в отношении властей, ведь лидеры «приходят и уходят, мы и наша земля остаемся»: «We are essentially quite tolerant of each other, sceptical about ideologies (including religious ones) and suspicious of authority. Our leaders and politicians might make you think differently; but they come and go. Eng-er-land lives on» [17].

Ту же мысль в своем романе «Прастрэлены талер» пытается передать белорусский автор А. Литвин (Аркадзь Ліцьвін): «Я стараюся пісаць з беларускага пункту гледжання, <...>. У нас была свая тэрыторыя, было сваё Вялікае Княства, свая шляхта» [18]. Поэтому так болезненно звучит тема вынужденных переселенцев. Прекрасный пример – творчество В. Гниломедова и Л. Рублевской. У писательницы она реализуется через многочисленные образы разрушенных и перестроенных усадеб, владельцы которых вынуждены менять и скрывать свои имена.

Эпиграфом для своего романа «Harvest» Дж Крейс взял отрывок из «Ode on Solitude» А. Поупа (1700 г.): «Happy the man, whose wish and care / A few paternal acres bound, / Content to breathe his native air, / In his own ground» [13, с. 2]. Однако сюжет не дает осуществиться подобной идиллической ситуации. Эпиграф – предвестник трагического разлада между воображаемой сельской идиллией и прогрессом. В романе фермеры, чьи предки обрабатывали свои земли со времен норманского нашествия (или даже раньше) вынуждены уходить в города. Фамилии старожилков, которые гордо звучали в родных селах теряются в городском шуме, словно с потерей земли исчезает и важнейшая составляющая личности – имя: «to disappear in towns or villages where their names and faces cannot ring a bell, robbed of their spirits and their futures, as well as of their fields» [13, с. 132].

В белорусских текстах до сих пор звучит травма насильственной коллективизации и вынужденной урбанизации, особенно в творчестве старшего поколения писателей, которые до сих пор город воспринимают как преимущественно враждебное пространство, сказочное чудовище, пожирающее село: «Выглядае, што горад актыўна высмоктвае людзей з усіх навакольных малых паселішчаў» [19, с. 43].

В финале романа «Harvest» и поселок, и усадьба символически гибнут в огне, но, прежде чем покинуть поселок навсегда, герой вспахивает казалось бы бесполезную полосу вдоль огромного бесконечного поля. Однако в контексте романа – это и жест протеста против смерти, и заявка на право вернуться, «священный ритуал и клятва»: «that plowing is our sacrament, our solemn oath, the way we grace and consecrate our land. Not to mark our futures in the soil before the winter comes is to say there’s no next year. I cannot admit to that» [13, с. 39].

Фактически авторы интуитивно высказывают ту же идею, что и известный историк П. Нора, работы которого посвящены роли памяти в функционировании общества. Он различает историю как науку и память как ощущение преемственности, непрерывности и причастности собственной истории. Это ощущение нельзя получить, изучая архивы, документы или через академическое образование. Оно формируется за счет непосредственного контакта поколений, свидетельства очевидцев, которое передается из уст в уста, и именно эту роль раньше выполняла народная традиция, утраченная и забытая за последнее столетие: «О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет», пишет Нора [20, с. 18].

Таким образом, засеянная борозда у Крейса – это желание преодолеть разрыв между отвлеченным знанием о себе и реальным ощущением себя частью традиции, без чего невозможно полноценное существование нации, это символ восстановления связи с землей (посевами), залог прихода весны, как формулирует это герой: «The coming spring must be defended». Фраза, которая повторяется на как итог размышлений героя в романе «Harvest» – кто не сеял, то не жнет: «you cannot reap your corn until you’ve plowed and sown seed» в таком контексте имеет вполне определенное значение.

Таким образом, в начале 21 века такие, казалось бы, традиционные и привычные образы родной земли и языка обретают новую неожиданную актуальность и новизну как важное средство реапроприации национального культурного и исторического наследия.

Литература

1. Шталенкова, К. Губернскі дэтэктыў. Справа аб крываваых дукатах / К. Шталенкова. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 216 с.
2. Аркуш, А. Захоп Беларусі марсіянамі. Раман / А. Аркуш. – Полацк : «Полацкае ляда», 2016. – 263 с.
3. Камінская, З. Русалкі клічучь: апавесць / З. Камінская. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 107 с.
4. Іпатава, І. За морам Хвалынскім : апавесці і апавяданні / В. Іпатава. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1989. – 349 с.
5. Meek, J. To Calais, in Ordinary Time / J. Meek. – Great Britain : Canongate Books, 2020. – 400 p.
6. Meek, J. Rise up, rebel, revolt: how the English language betrays class and power [Electronic resource] / J. Meek // The Guardian. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/books/2019/sep/06/language-of-division-english-fractured-society>. – Date of access : 19.11.2020.
7. Kingsnorth, P. Wake / P. Kingsnorth. – London : Cornerstone, 2015. – 365 p.
8. Dawson, D. English, Welsh, and Elvish: Language, Loss, and Cultural Recovery in J.R.R. Tolkien's The Lord of the Rings. Tolkien's Modern Middle Ages / D. Dawson. – New York : Palgrave Macmillan, 2005. – P. 105–120.
9. Дайнека, Л. Чалавек з брыльянтавым сэрцам : фантастычны раман : для старэйшага школьнага ўзросту / Л. Дайнека. – Мінск : Юнацтва, 1994. – 238 с.
10. Murray, T. Articulating Indigenous Identity in rural England / T. Murray // Journal of Comparative Studies in Society. – 2000. – № 42 (1). – С. 147–179.
11. Easton, M. The English question: What is the nation's identity? [Electronic resource] / M. Easton // BBC News. – Mode of access : <https://www.bbc.com/news/uk-44306737>. – Date of access : 19.11.2020.
12. Unsworth, B. Quality of mercy / B. Unsworth. – Cornerstone, 2012. – 304 p.
13. Crace, J. Harvest / J. Crace. – England : Nan A. Talese, 2013. – 208 p.
14. Porter, M. Lanny / M. Porter. – London : Faber & Faber, 2020. – 210 p.
15. Richardson, C. England «Ghosts» British Art – a frieze [Electronic resource] / C. Richardson. – Mode of access : https://www.researchgate.net/publication/274714797_'England_Ghosts_British_Art_-_a_frieze'. – Date of access : 19.11.2020.
16. Бабкоў, І. Каралеўства Беларусь. Выглумачэнні ру[і]наў / І. Бабкоў. – Мн. : Логвінаў, 2005. – 142 с.
17. Peter Ackroyd's History of England [Electronic resource] // Thoughtsfromwestfive. – Mode of access : <https://tfw5.com/2015/03/29/peter-ackroyds-history-of-england/>. – Date of access : 19.11.2020.
18. «Прастрэлены талер» – новы прыгодніцкі раман Аркадзя Ліцьвіна [Электронны рэсурс] // Гарадзенская вясна. – Рэжым доступу : <http://harodniaspring.org/be/news/4172>. – Дата доступу : 19.11.2020.
19. Аркуш, А. Спадчына : раман / А. Аркуш. – Полацк : Выдавецкая ініцыятыва «Полацкае ляда», 2018. – 148 с.
20. Нора, П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 328 с.